

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.12

EDN JHIEQN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-222-227>

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА

Архипкин Игорь Валерьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, arhipk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6284-5179>

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношения морали и права, сходство и различие в их подходах к регулированию социальных отношений. Отмечается, что наиболее существенным отличием права от морали является опора на принуждение, без которого его реализация невозможна. В этой связи в качестве основного аспекта исследования выделяется феномен насилия как крайней степени проявления принуждения. Указываются основные признаки насилия – это совершаемое против воли лица действие, оцениваемое сугубо негативно. Рассматривается вопрос о том, может ли назначаемое по воле государства наказание, будучи безусловным принуждением, расцениваться как насилие. Отмечается, что, в отличие от моральных норм, в правовых нормах санкции явно выражены, поэтому заранее известно, какой ответной реакции государства следует ожидать в случае нарушения этих норм. Именно это предварительное знание и позволяет полагать, что человек, сознательно нарушивший определенный правовой запрет под угрозой наказания, тем самым выразил готовность претерпеть и последствия такого нарушения. Делается вывод, что назначение наказания не может и не должно расцениваться как собственно насилие, поскольку конвенционально предполагает согласие на его применение и, как следствие этого, исключает его негативную оценку. В заключение подчеркивается, что в немалой степени и потому, что право основано на принуждении, порой связано с применением насилия, общество предъявляет более высокие требования по соблюдению моральных норм именно к лицам, его применяющим.

Ключевые слова: мораль, право, регулирование социальных отношений, моральные и правовые ограничения, принуждение, насилие, наказание.

Для цитирования: Архипкин И.В., Корнакова С.В. Феномен насилия в контексте соотношения морали и права // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 222–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-222-227>

Research article

THE PHENOMENON OF VIOLENCE IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND LAW

Igor V. Arkhipkin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia, arhipk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6284-5179>

Svetlana V. Kornakova, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Annotation. The article examines the problems of the relationship between morality and law, the similarities and differences in their approaches to regulating social relations. It is noted that the most significant difference between law and morality lies in its reliance on coercion without which, its implementation is impossible. In this regard, the phenomenon of violence as an extreme manifestation of coercion is highlighted as the main aspect of the study. The main signs of violence are indicated – this is an action committed against the will of a person, evaluated purely negatively. The question is being considered whether the punishment imposed by the will of the state, being unconditional coercion, can be regarded as violence. It is noted that, unlike moral norms, sanctions are clearly expressed in legal norms, so it is known in advance what kind of response the state should expect in case of violation of those norms. It is this prior knowledge that allows us to believe that a person who deliberately violated a certain legal prohibition under threat of punishment, thereby expressed its willingness to endure the consequences of such a violation. It is concluded that the imposition of punishment cannot and should not be regarded

as violence proper, since it conventionally presupposes consent to its use and, as a result, excludes its negative assessment. In conclusion, it is emphasised that, to a large extent, and since the law is based on coercion, occasionally associated with the use of violence, society places higher demands on the observance of moral norms precisely to those who apply it.

Keywords: morality, law, regulation of social relations, moral and legal restrictions, coercion, violence, punishment.

For citation: Arkhipkin I.V., Kornakova S.V. The phenomenon of violence in the context of the relationship between morality and law. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 222–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-222-227>

Вопрос о соотношении морали и права, неизменно остающийся актуальным в научном дискурсе, является таким же важным, как и вопрос о смысле существования права [Зарубина: 163–164]. Возникнув в связи с образованием общества (мораль) и государства (право), эти важнейшие регуляторы социальных отношений имеют единую направленность – гармонизацию и безопасность социальных отношений, а их универсальность проявляется в распространении как моральных, так и правовых норм на все общество, каждого его члена без исключений, во всех сферах его жизнедеятельности.

Мораль – это комплекс нематериальных ценностей, на базисе которого зиждется и само общество, и его устройство, иными словами, чем совершеннее общество, тем оно более нравственное. Но если исторически мораль – это существующие в общественном сознании первые стихийные правила человеческого общежития, то в праве наиболее важные для общества правила возведены в ранг законодательных норм посредством изменения формы их существования с идеальной на документальную – нормативные акты.

И моральные, и правовые нормы направлены на сохранение признаваемых в обществе ценностей: жизнь, здоровье, благополучие, благосостояние, безопасность. И мораль, и право – это всегда ограничения, но если моральные ограничения принимаются и исходят от самой личности с учетом ее свободной воли, то ограничения в праве устанавливаются властными государственными институтами и носят императивный характер, к сожалению, ущемляя свободу индивида [Минникес, Ягофарова: 20]. Между тем свобода, по Джону Локку, состоит в том, чтобы «не испытывать ограничения и насилия со стороны других, а свободно следовать своей воле» [Локк: 94].

Вместе с тем, как отражено в ратифицированных Россией международных документах, правовые ограничения «не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены (ст. 18 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹), они должны устанавливаться «исключительно с целью... удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния» (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека²). Поэтому если моралью запрещается любого рода ограничение и принуждение, то существование права без принуждения невозмож-

но. О праве и говорят, как о морали, наделенной способностью принуждения. В этом выражается основное различие морали и права.

В словаре В.И. Даля понятие «принуждение» раскрывается через такие характеристики, как «поневоле, заставлять, силовать», а понятие «принужденность» тождественно неволе [Даль: 529], поэтому основной и определяющей чертой принуждения (как и крайней степени его проявления – насилия) является его реализация против воли того, на кого оно направлено. Насилие же, кроме этого, с необходимостью предполагает еще один, уже аксиологический признак – сугубо негативную оценку.

Любая форма принуждения лишает человека свободы выбора поступка, следовательно, не может иметь морального обоснования, поскольку при отсутствии выбора о морали вообще речи быть не может. Но хорошо известно, что действие высокоэффективно только тогда, когда оно морально оправданно. Между тем некоторые авторы полагают возможным вести речь об эффективности насилия, которое, по их мнению, «зависит от его соответствия нравственным установкам общества» [Дмитриев, Залысин: 188]. Думается, что установки общества, заведомо предполагающие использование насилия, нравственными по определению быть не могут.

Насилие, как обоснованно отмечают некоторые авторы, может получить моральную санкцию лишь в случае наличия согласия на него того, на кого оно направлено, но в таком случае насилие перестанет быть насилием, поскольку утратит свой основной признак – как совершаемое против воли лица действие [Медведева, Воронкова: 141], поэтому насилие во благо – логическая несурезица.

Моральных аргументов в обоснование пользы, а тем более эффективности насилия как действия вопреки воле другого человека не существует. Тем не менее общество не может обойтись без насилия, а в политике «легитимация монополии на средства насилия в пределах территории (включая защиту государства) – характерная черта определения государства» [Jeri, Jeri: 454]. Поэтому проявление насилия – исключительная прерогатива государства, а оценка правомерности его применения возможна только с позиции меньшего зла как способа преодоления другого насилия. При этом «преодоление насилия становится сознательным усилием и целе-

направленной деятельностью» [Медведева, Воронкова: 142].

Таким образом, принуждение, выступая средством обеспечения правовых норм, без которого право стоящие перед ним задачи выполнить попросту не сможет [Егоров: 30], неизбежно предполагает ущемление свобод и интересов конкретной личности, что особенно явно проявляется в сфере действия уголовно-правовых норм [Босхолов: 290–291] – единственной отрасли юридической деятельности, результатом которой является, во-первых, признание человека преступником и, во-вторых, назначение ему наказания. При этом следует указать на существенно различное отношение морали и права к первому и кардинально различное – ко второму.

Так, в вопросе виновности лица различие проявляется в следующем. Если с точки зрения права признать виновным в совершении противоправного деяния и осудить за него может только суд от лица государства, то с позиции морали с момента появления у человека мысли совершить такое деяние морально он уже виновен [Пионтковский: 162]. Также морально человек, действительно совершивший запрещенное законом деяние, виновен и в случае, если его вину по тем или иным причинам не удалось доказать, и сам человек это прекрасно знает, хотя перед законом оказывается чист [Мальцев: 79]. Таким образом, в этом вопросе с позиции морали человек рассматривается глубже, чем с позиции закона, и в этом отношении вряд ли правомерно утверждение некоторых исследователей о том, что «мораль должна быть законной» [Антонченко: 11].

Что касается наказания, то, полагаем, представляет научный интерес вопрос о том, может ли назначаемое по воле государства наказание за совершенное преступление, будучи безусловным принуждением, расцениваться как насилие. В этом отношении подчеркнем, что вопрос о наказании в морали вообще не ставится, никакого, тем более заранее определенного, наказания в ней не существует. В моральных нормах нет фиксированных санкций, они лишь предполагаются, домысливаются (покарает Бог, осудят люди). В правовых же нормах, напротив, санкции явно выражены, поэтому каждый знает, какой ответной реакции государства следует ожидать в случае нарушения этих норм. Именно это предварительное знание и позволяет полагать, что человек, сознательно, то есть под полным контролем своей воли, нарушивший определенный правовой запрет под угрозой наказания, тем самым выразил готовность претерпеть и последствия такого нарушения. В связи с этим исходящая от государства в виде правовых запретов лишь угроза карательных мер становится реальной. Как отмечал А. Шопенгауэр, как каждый имеет право при предположении злого намерения со сто-

роны заранее прибегать к физическому сопротивлению с опасностью для посягателя, так и государство имеет право без несправедливости заранее противопоставить угрозу насилием даже только предполагаемому посягательству [Шопенгауэр: 217–218]. Поэтому, строго говоря, в государстве насилие существует по большей части в виде угрозы насилия. Каждый человек, будучи гражданином, а значит, используя терминологию А.А. Гусейнова, являясь «соучредителем законов» [Гусейнов, 20], дает согласие на применение к нему санкций нарушенных им правовых норм, согласие на предусмотренное этими нормами наказание. Исходя из этого, можно утверждать, что назначение наказания не может и не должно расцениваться как собственно насилие, поскольку конвенционально предполагает согласие на его применение, во-первых, и, как следствие этого, исключает его негативную оценку, во-вторых.

Наиболее крайние проявления принуждения в сфере применения права – это исключительные меры наказания, смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Заметим, что относительно вопроса о том, применение какой из указанных мер более или менее жестоко, острые дискуссии ведутся довольно продолжительное время и пока не привели к однозначному на него ответу. Здесь согласимся с мнением некоторых представителей юридического сообщества, критически оценивающих затянувшуюся неопределенность российского государства в плане его отношения к смертной казни [Лавыгина: 99]. В любом случае обе из указанных мер наказания назначаются только за особо тяжкие преступления, за совершенное зло. А воздаяние злом за зло, по Аристотелю, соответствует природе человека, поэтому, ситуация, при которой такое воздаяние невозможно, следует расценивать как рабство, проявление несправедливости [Аристотель: 89]. Поэтому назначаемое по установленным законом процедурам наказание имеет целью не возмездие, а восстановление справедливости, предполагающей соразмерный ответ государства на совершенное преступление.

Таким образом, исходящее от государства легитимное насилие может стать морально санкционированным не как насилие, а лишь как форма его ограничения, что и служит оправданием его применения, ведь право, в отличие от морали, «имеет дело не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех».

Легитимное насилие при применении права, будучи проявлением охранительной функции и государства, и права, должно подразумеваться, по справедливому утверждению Ч. Феньвешеш, исключительно в положительном контексте, а единственными критериями его легитимности должны быть необходимость и соразмерность [Феньвешеш: 136–137].

В этом отношении в качестве примера, явно не соответствующего, на наш взгляд, критерию соразмерности, можно привести исключение из российского уголовного закона в 2017 году понятия «домашнее насилие» и перевод его в разряд административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП). Частичная декриминализация проявлений домашнего насилия, побоев, причиняемых членам семьи, к сожалению, не привела к их сокращению. Так, по информации ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2018 г. зарегистрировано 2 696 (+54,8 %) таких преступлений, в 2019 г. – 3 750 (+39,1 %), 2020 г. – 4 272 (+13,9 %), 2021 году – 5 179 (+21,2 %), в 2022 – 7 295 (+40,9 %), в 2023 г. – 13 241 (+81,5 %), в январе 2024 г. зарегистрировано 1 224 (+11,1 %) преступления³. При этом чаще всего жертвами домашнего насилия являются женщины.

Думается, что проявление насилия в отношении близких людей, по отношению к которым по определению подразумевается любовь, внимание, забота и уважение, гораздо более безнравственно, чем проявление того же насилия к посторонним людям. Поэтому не только с моральной, но и с правовой точки зрения домашнее насилие, побои должны предполагать более строгие санкции. Между тем, по оценке скептически относящихся к декриминализации домашнего насилия ученых [Шатковская: 55; Музыченко: 161], Россия находится в списке стран с самыми слабыми мерами в решении данной проблемы.

Напротив, на международном уровне в отношении женщин предпринимаются повышенные меры их защиты от насилия, о чем свидетельствуют, например, такие документы, как Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 году⁴, Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием⁵ 2011 года и др.

В этой связи учеными подчеркивается, с одной стороны, важность предельной определенности правовых запретов, «максимально точного фиксирования грани между преступным и непроступным поведением» [Гребенкин: 36], а с другой – необходимость объективности отражения характера и степени значимости первых в строгости мер принуждения для восстановления справедливости как цели уголовного наказания [Егорова: 990]. Соразмерное наказание, в свою очередь, является «способом снижения угрозы насильственного поведения» [Сурков: 4].

Отметим, что право на принуждение в уголовно-правовой сфере, тем более на применение насилия, не произвольно, оно должно иметь в каждом конкретном случае строгое обоснование, при отсутствии которого сама допустимость насилия была бы невозможна. Право на насилие имеют люди, для которых

насилие – часть их профессиональной деятельности. При этом четко определяются условия и ситуации, в которых может быть применено насилие, люди, к которым оно может быть применено, способ его применения, целесообразность и т. д. В частности, основной задачей уголовного процесса, где многие процессуальные действия предполагают принуждение (раздел IV УПК РФ), по выражению В.А. Рязановского, является установление права государства на наказание. Путем установления вины и наказуемости отдельных нарушителей правопорядка достигается и цель – охрана самого правопорядка [Рязановский: 3].

В отличие от правовых, у моральных целей нет прагматичности, внешней детерминации. Следование нравственным принципам самоценно и состоит в том, чтобы следовать им (быть справедливым надо не зачем-то, а чтобы быть таковым). Причина моральных действий заключается в них самих, а единственное объяснение поступка – «Я не могу иначе». Поэтому человек, руководствующийся в своей жизни моральными нормами, как правило, не нарушает и правовых, а вопрос о том, на какие из этих норм следует в большей степени ориентироваться, является риторическим, поскольку, как уже отмечалось, исторически правовые нормы возникли на базе моральных норм и не должны им противоречить.

Вместе с тем позиция юриста, применяющего закон, должна базироваться на приоритетности норм права. Но это отнюдь не означает самодостаточности права. Если бы это было так, не было бы нужды вводить в тесты законов моральные категории. В частности, любые решения властных участников судопроизводства должны быть не только законными, но и справедливыми, то есть быть правильными и с правовой, и с моральной точек зрения. Для судьи критерием принятия итоговых решений должен являться не только закон, но и совесть, где последняя является не правовым, а моральным мотиватором выбора. В этом также проявляется неразрывная взаимосвязь морали и права.

В заключение отметим, что в определенной степени и потому, что право основано на принуждении, порой связано с применением насилия, общество предъявляет более высокие требования по соблюдению моральных норм именно к лицам, его применяющим. Свидетельством тому является не только преподавание в качестве обязательной (правда, только с 2011 года) дисциплины на юридических специальностях курса «Профессиональная этика», но и наличие для всех представителей юридических профессий кодексов профессиональной этики, несоблюдение положений которых чревато для них утратой соответствующего статуса. Для юриста служебная обязанность и моральный долг должны быть эквивалентными.

Примечания

¹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд-е, доп. Москва: Норма: Норма–Инфра-М), 2002. С. 562–576.

² Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. Москва: Международные отношения, 1989. С. 413–419.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.03.2024).

⁴ Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года) // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 08.04.2024).

⁵ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (CETS N 210) (заключена в г. Стамбуле 11 мая 2011 года) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 08.04.2024).

Список литературы

Антонченко В.В. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 5–13.

Аристотель. Этика. Санкт-Петербург: Филос. о-во при Имп. С.-Петерб. ун-те, 1908. 207 с.

Босхолов С.С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3. С. 288–292.

Гребенкин Ф.Б., Савюк Л.К. И.А. Ильин о насилии и различных формах принудительного воздействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 30–47.

Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–27.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. Москва: Эксмо, 2006. 736 с.

Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социологический анализ. Москва: Росспэн, 2000. 324 с.

Егорова Т.И. Справедливость наказания: теоретический формат и правоприменительная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 984–1002.

Егоров В.С. Общее понятие правового принуждения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 29–35.

Зарубина Е.В. О соотношении морали и права // Наука и современность. 2015. № 40. С. 163–167.

Лавыгина И.В. Иллюзорность отдельных конституционных положений в пенологии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 97–103.

Локк Дж. О государственном правлении // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. Москва: Соцэкгиз, 1960. С. 81–201.

Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы // Право и образование. 2002. № 3. С. 77–87.

Медведева М.А., Воронкова Н.В. Морально-правственные аспекты легитимации насилия // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 4 (18). С. 137–145.

Минникес И.А., Ягофарова И.Д. Императивные ограничения в праве // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 1. С. 20.

Пионтковский А.А. Теория права и государства Канта // Философия Канта и современность. Москва: Мысль, 1974. С. 152–183.

Рязановский В.А. Единство процесса // Сб. тр. проф. и препод. Гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1920. С. 36–68.

Сурков А.А. Насилие как социальный феномен: особенности конституирования: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2014. 147 с.

Феньвешчи Ч. Насилие в уголовном процессе (субъекты вторичной виктимизации) // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 136–137.

Шопенгауэр А. Об основе морали // Свобода воли и нравственность. Москва: Республика, 1992. С. 125–258.

Jeri D., Jeri J. Collins Dictionary Sociology. Harper Collins Publishers, 1995, P. 443.

References

Antonchenko V.V. *Vzaimodejstvie prava i morali v processe ih transformacii* [Interaction of law and morality in the process of their transformation]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2023, vol. 24, No. 1, pp. 5-13. (In Russ.)

Aristotle. *Etika* [Ethics]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1908, 207 p. (In Russ.)

Bosholov S.S. *V poiskah balansa interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva v sfere obespecheniya nacional'noj bezopasnosti* [In search of a balance of interests of the individual, society and the state in the field of national security]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2023, vol. 24, No. 3, pp. 288-292. (In Russ.)

Dal V.I. *Tolkovyyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 736 p. (In Russ.)

Dmitriev A.V., Zalyzin I.Yu. *Nasilie: socio-politicheskij analiz* [Violence: socio-political analysis]. Moscow, Rosspen Publ., 2000, 324 p. (In Russ.)

Egorova T.I. *Spravedlivost' nakazaniya: teoreticheskij format i pravoprimenitel'naya praktika* [Fairness of punishment: theoretical format and law enforcement practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Right], 2021, vol. 12, No. 4, pp. 984-1002.

Egorov V.S. *Obshchee ponyatie pravovogo prinuzhdeniya* [The general concept of legal coercion]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm University. Legal sciences], 2007, No. 8, pp. 29-35. (In Russ.)

Fen'veshi Ch. *Nasilie v ugovolnom processe (sub"ekty vtorichnoj viktimizacii)* [Violence in criminal proceedings (subjects of secondary victimization)]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2003, No. 2, pp. 136-137. (In Russ.)

Grebenkin F.B. *I.A. Il'in o nasilii i razlichnyh formah prinuditel'nogo vozdejstviya* [I.A. Ilyin about violence and various forms of coercive influence]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2017, No. 2, pp. 30-47. (In Russ.)

Huseynov A.A. *Vozmozhno li moral'noe obosnovanie nasiliya?* [Is there a moral justification for violence?]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2004, No. 3, pp. 19-27. (In Russ.)

Lavygina I.V. *Illyuzornost' otdel'nyh konstitucionnyh polozhenij v penologii* [The illusory nature of certain constitutional provisions in penology]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal Procedural and criminalistic readings], 2019, No. 1 (23), pp. 97-103. (In Russ.)

Locke J. *O gosudarstvennom pravlenii* [About the state government]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2 t* [Selected philosophical works: in 2 vols.]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960, vol. 2, pp. 81-201. (In Russ.)

Maltsev G.V. *Ponimanie prava: podhody i problemy* [Understanding law: approaches and problems].

Pravo i obrazovanie [Law and education], 2002, No. 3, pp. 77-87. (In Russ.)

Medvedeva M.A., Voronkova N.V. *Moral'no-nravstvennye aspekty legitimacii nasiliya* [Moral aspects of legitimization of violence]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2013, vol. 1, No. 4 (18), pp. 137-145. (In Russ.)

Minnikes I.A., Yagarova I.D. *Imperativnye ograničeniya v prave* [Strategic changes in nature]. *Baikal Scientific Journal*, 2017, vol. 8, No. 1, p. 20. (In Russ.)

Piontkovsky A.A. *Teoriya prava i gosudarstva Kanta* [Kant's Theory of Law and the State]. *Filosofiya Kanta i sovremennost'* [Kant's Philosophy and modernity]. Moscow, Mysl Publ., 1974, pp. 152-183. (In Russ.)

Ryazanovskiy V.A. *Edinstvo processa* [Unity of the process]. *Sbornik trudov prof. i prep. Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta* [Collection of tr. prof. and the State teacher Irkut. University]. Irkutsk, 1920, pp. 36-68. (In Russ.)

Schopenhauer A. *Ob osnove morali* [On the basis of morality]. *Svoboda voli i npravstvennost'* [Freedom of will and morality]. Moscow, Republic Publ., 1992, pp. 125-258. (In Russ.)

Surkov A.A. *Nasilie kak social'nyj fenomen: osobennosti konstituirovaniya: special'nost'* [Violence as a social phenomenon: features of constitution]: dis. ... kand. filos. nauk. Moscow, 2015, 147 p. (In Russ.)

Zarubina E.V. *O sootnoshenii morali i prava* [On the relationship between morality and law]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2015, No. 40, pp. 163-167. (In Russ.)

Jeri D., Jeri J. Collins Dictionary Sociology. Harper Collins Publishers, 1995, P. 443.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 09.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.